

Акоп Назаретян

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ГЛОБАЛЬНОГО БУДУЩЕГО*

Аннотация. Согласно независимым расчётам, в XXI веке Земной цивилизации предстоит пережить полифуркацию, сопоставимую по эволюционному значению с появлением жизни. Каковы возможные сценарии, и от чего может зависеть дальнейшее развитие событий? Автор отвечает на эти вопросы, используя модели синергетики, данные современной космологии, культурной антропологии и психологии.

Ключевые слова: Универсальная история; полифуркация; аттракторы; модели синергетики; сознание; смысл; идеология; жизнь; смерть; бессмертие; перенос личности на электронный носитель.

Abstract. According to independent calculations, in XXI century Earth civilization will experience polifurcation, comparable in its importance with life appearance. What are the possible scripts and on what can depend further contour? The author answers these questions, using the models of synergetics, data of modern cosmology, cultural anthropology and psychology.

Keywords: Universal history; polifurcation; attractors; synergetics models; consciousness; sense; ideology; life; death; immortality; transfer of personality on the electronic data carrier.

1. Век полифуркации: простые и странные аттракторы

*Того, кто не смотрит далеко в будущее,
ждут близкие беды.*

Конфуций

Современная
футурология

Из современной футурологии про будущее можно узнать, кажется, всё. Или почти всё. Когда и сколько людей будет жить на Земле, сколько из них какую религию будут исповедовать, сколько останется нефти, пресной воды и даже атмосферного кислорода, каков будет экономический потенциал России, США, Китая и Зимбабве – параметры рассчитаны вперёд на сотню лет и

* Фрагменты из готовящейся к печати книги автора «Перспективы планетарной цивилизации. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические основания глобального прогнозирования». Журнальный вариант.

больше. При этом считается само собой разумеющимся, что спустя века сохранятся страны и нации, расы и конфессии, а физические и прочие потребности людей будут идентичны нынешним.

Большая часть глобальных прогнозов недооценивает градус нелинейности

Прогнозные модели, публикуемые серьёзными глобалистами, нельзя назвать линейными: предлагаемые варианты и альтернативы отвечают требованиям сценарного подхода и в этом отношении выглядят синергетически выдержанными. Приходится, однако, обратить внимание на то, что синергетика, раскрывая нелинейную составляющую в любом реальном процессе, различает также *градусы нелинейности*. Именно эта дифференциация составляет решающую особенность синергетических моделей, фиксирующих режимы с обострением, би- и полифуркационные фазы и т.д. И именно недооценка градуса нелинейности на нынешнем этапе исторической эволюции характеризует, на мой взгляд, большую часть глобальных прогнозов.

Эволюция вступает в полифуркационную фазу

Между тем серия независимых расчётов, проведённых учёными разных стран и разных специальностей [1; 2; 3], показала, что на протяжении миллиардов лет эволюционные процессы ускорялись в соответствии с простой логарифмической формулой и около середины XXI века экспоненциальная кривая, отражающая ускорение эволюции, превращается в вертикаль. Полученная математическая сингулярность может означать, что эволюция на Земле вступает в полифуркационную фазу, сопоставимую по масштабу и по значению с появлением жизни. После этого либо начнётся нисходящая ветвь планетарной эволюции (последующие изменения в обществе и в природе будут необратимо направлены в сторону термодинамического равновесия), либо произойдёт прорыв к какому-то качественно новому состоянию.

Два типа сценариев

В синергетике сценарии первого типа, связанные с обвалом и разрушением неравновесной системы, называются *простыми аттракторами*, а сценарии, обеспечивающие соразмерный уровень устойчивого неравновесия или переход к более высокому уровню, – *странными аттракторами*. В полифуркационной фазе простые аттракторы описать значительно легче (на то они и «простые»), чем странные, которые часто выглядят невероятными фантазиями. А главное – трудно заранее определить, существует ли странный аттрактор в действительности.

2. Универсальная эволюция: пределы управляемости

*Правда ли, что та фаза эволюции
материи, свидетелями которой мы являемся,
близка к потолку, который может быть
достигнут в нашей Вселенной?*

А.Д. Панов

Философская
ошибка,
дискредитирующая
выверенные
прогнозы

Представим себе некоего Демона, ведающего всё о прошлом и настоящем, владеющего расчётными процедурами и т.д., но ничего не знающего о будущем. Он смог бы доказать невозможность каждого переломного события в истории Земли и Вселенной. Например, пять миллиардов лет назад он бы убедительно объяснил, почему невозможно образование и длительное сохранение живого вещества (т.е. неравновесного состояния материи). Два с половиной миллиона лет назад теоретически безупречно доказал бы, что биологический вид, использующий искусственные орудия, быстро сам себя истребит, нарушив эволюционный баланс между естественной вооружённостью и инстинктивным торможением внутривидовой агрессии. Десять тысяч лет назад – что Земля не способна прокормить более нескольких миллионов человек (имея в виду исключительно охотников-собирателей и не представляя себе человека с сохой, пастушеским кнутом, станком и тем более с компьютером). И так далее. Во всех таких случаях наш Демон совершал одну и ту же и притом почти незаметную «философскую» ошибку, которая дискредитировала основательно выверенные прогнозы: он недооценил *творческий* потенциал развивающейся системы, её способность к качественно новым ходам...

Возможна ли
дальнейшая
прогрессивная
эволюция?

Остаётся ли этот потенциал неисчерпаемым или прогрессивная эволюция Земли и Метагалактики приблизилась к пределу возможностей? Действительно в грядущей полифуркации сохраняется странный аттрактор – например, выход антропосферы на качественно новый уровень устойчивого неравновесия и возможная ноосферизация космоса – или все реалистические паллиативы сводятся к различным сценариям саморазрушения? С этими принципиальными вопросами мы сталкиваемся, стремясь оценить обозримые перспективы планетарной цивилизации.

Необходимо
прогнозирование
в контексте
Универсальной
истории

Прогнозирование – это всегда экстраполяция известных процессов и тенденций. По нашим наблюдениям, неудачи в этой сфере чаще всего обусловлены

двумя причинами: монодисциплинарностью и (или) недостаточной ретроспективной глубиной, что приводит к гипертрофии краткосрочных тенденций [4]. Анализ весьма нетривиальной полифуркации, ожидаемой в последующие десятилетия, требует контекста, предельно масштабного по объёму и по временной дистанции. Такой контекст представляет *Универсальная история* – интегральная модель прошлого, включающая космофизическую, биологическую и социокультурную стадии эволюции.

Замечено, что при всей специфике каждой из этих стадий сквозным вектором последовательных изменений оказывается рост *сложности*, и в Универсальной истории предложен метод её объективной оценки. Э. Чайсон, опираясь на обильный эмпирический материал и изящные расчёты, выявил пропорцию между сложностью внутренней организации и удельной плотностью энергетического потока: отношение количества привлечённой свободной энергии в единицу времени к собственной массе тем выше, чем сложнее организована система. Установленная зависимость позволяет использовать плотность энергетического потока как количественный индикатор структурной сложности. Отсюда, например, «сорная травинка во дворе сложнее самой причудливой туманности Млечного пути» [5, с. 96]. Соответственно, сложность живого организма превышает совокупную сложность Метагалактики 6 млрд. лет тому назад, когда предположительно живое вещество в ней не успело образоваться, а антропоценоз существенно превосходит по этому параметру дикий биоценоз.

Выявлено и ещё одно примечательное обстоятельство. В.И. Вернадский [6] показал, как поведенческая сложность организмов росла пропорционально анатомической структуре, используя коэффициент цефализации (отношение веса мозга к весу тела). Если принять этот совокупный показатель для современной фауны (без человека) за 1, то 25 млн. лет назад он составлял 0,5, а 67 млн. лет назад – 0,25. В процессе цефализации и кортикализации функций усиливались независимая динамика психического отражения как фактор управления поведением.

По мере становления антропосферы на ход реальных процессов всё больше влияет идеология

С образованием общества и культуры роль ментальных факторов (субъективной реальности) в совокупной детерминации процессов материального мира возрастала ускоренными темпами. По мере становле-

ния антропосферы новые мифологии, религиозные доктрины, произведения искусства, научные теории, технические изобретения и прочие «виртуальные» события оказывали всё более мощное и долгосрочное влияние на ход реальных процессов. В частности, усложнение материальных структур во всё большей мере определялось растущей сложностью когнитивных структур, а также скоростью и ёмкостью информационных каналов.

Оптимистические гипотезы развития

Следует ли отсюда, что рост структурной сложности принципиально неограничен? При обсуждении антропного космологического принципа теоретически показано, что во вселенных с исходными константами, отличными от наблюдаемых (например, с иным соотношением масс протона и электрона, с иным числом измерений пространства и т.д.), предел сложности материальных структур должен быть значительно ниже уровня живого вещества. В «нашей» Метагалактике оказалось возможным образование жизни, общества и информационной цивилизации. Известный астрофизик П. Дэвис [7, с. 63] вслед за философом А. Бергсоном, уверяет, что Вселенная остаётся открытой и «невозможно узнать, какие ещё уровни разнообразия и сложности могут скрываться у неё в запасе». Как видно из контекста книги, «невозможно узнать» означает, что дальнейший рост сложности, а, следовательно, и потенциальный прогресс цивилизации беспредельны. Хочется согласиться с американским учёным, но это пока не более чем оптимистическое допущение.

Потенциальная беспредельность прогрессивного развития

Известны, впрочем, и системные аргументы в пользу вывода о потенциальной беспредельности прогрессивного развития. Идея философов-космистов о безграничном распространении «ударной волны интеллекта» долгое время обсуждалась чуть ли не исключительно российскими (советскими) учёными или выходцами из России. Но с 1990-х годов эта идея была перехвачена зарубежными, особенно американскими и английскими астрофизиками.

Приведены подробные доказательства того, что «ни наша теория звёздной эволюции, ни какая-то другая известная нам физика» не дают оснований ограничивать потенциальное влияние жизни на космические процессы. «Во всей нашей Галактике и во всем Мультиверсе звёздная эволюция зависит от того, развилась ли разумная жизнь, и где это произошло. <...> Будущая история Вселенной зависит от будущей истории

знания. <...> Применяя свои лучшие теории к будущему звёзд, галактик и Вселенной, мы обнаруживаем огромное пространство, на которое может воздействовать жизнь и после долгого воздействия захватить господство над всем, что происходит» [8, с. 186–189]. Королевский астроном сэр М. Рис пишет о возможном «превращении всей нашей Вселенной в “живой космос”» [цит. по 9, с. 281]. А авторитетный специалист по космологии Ли Смолин и его школа серьёзно обсуждают технологию производства цивилизацией новых вселенных с заданными параметрами через посредство чёрных дыр [10]. Добавлю, что в психологии творчества изучен эвристический механизм последовательного превращения неуправляемых констант в управляемые переменные за счёт неограниченного расширения информационного контекста [11].

Возможности интеллектуального управления принципиально безграничны

Методологический принцип теории систем гласит: все возможные события непременно происходят. На этом принципе построена таблица химических элементов Д.И. Менделеева, и целый ряд открытий в астро- и микрофизике были обеспечены прицельным поиском теоретически предсказанных явлений, включая неизвестные ранее элементы, частицы и поля. Д. Дойч использовал математическую вариацию этого принципа, возведя её к А. Тьюрингу: не существует верхней границы количества физически возможных этапов вычисления, а потому возможности интеллектуального управления принципиально безграничны. Следовательно, если контроль над метагалактическими процессами не сможет взять на себя разум, восходящий к Земной цивилизации (например, оттого, что прежде уничтожит своего носителя), эту роль выполнит кто-либо другой – «предположительно какой-то внеземной разум» [8, с. 356]. Иначе говоря, коль скоро законы физики не ограничивают диапазон управления масс-энергетическими процессами, дальнейший рост сложности, обеспеченный распространяющимся влиянием интеллектуальной активности в космосе (странный аттрактор), можно считать гарантированным.

Дальнейшая эволюция Вселенной возможна только сознательно управляемой

К сожалению, однако, этот вывод не учитывает ряд психологических обстоятельств, которые могут принципиально исключить такой сценарий.

Поскольку растущая роль ментального фактора в усложнении материальных структур прослеживается достаточно отчётливо, есть основания утверждать: как минимум с неолитической революцией (около 10 тыс.

лет назад) эпоха стихийного усложнения структур, длившаяся 13,75 млрд лет, подошла к концу и, *если дальнейшая эволюция Вселенной возможна, то она может быть только сознательно управляемой*. Но для этого необходимо сознание, обладающее такой высокой степенью внутреннего самоконтроля, чтобы беспримерная власть над силами природы не обернулась самоубийственными эффектами.

3. Сила и мудрость разума: закон техно-гуманитарного баланса

*История учит даже тех, кто
у неё не учится. Она их проучивает
за невежество и пренебрежение...*

В.О. Ключевский

Чем выше мощь технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества

Междисциплинарные исследования человеческой истории и предыстории выявили системную зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурно-психологических регуляторов поведения и внутренней устойчивостью социального организма. Закон гласит, что *чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества*. С нарушением техно-гуманитарного баланса в массовом сознании складывался специфический предкризисный синдром – эйфория, ощущение вседозволенности и безнаказанности и т.д., – который с удивительным постоянством воспроизводился в разных эпохах и культурах, сопровождая всплески иррациональной экологической и геополитической агрессии. В результате общество подрывало природные и/или организационные основы существования и либо адаптировало культурные регуляторы к возросшему технологическому потенциалу, либо становилось жертвой своего декомпенсированного могущества.

Антропогенные кризисы как механизм отбора ценностей и норм социальной активности

Таким образом, антропогенные кризисы и катастрофы служили механизмом отбора ценностей и норм социальной активности, последовательно отбраковывая социумы, не умевшие справиться с возросшей инструментальной мощью. В процессе драматического отбора происходила культурно-психологическая *притирка* к новым технологиям, их «укрощение». Специальными расчётами показано, что *после того как притирка состоялась*, чем большую потенциальную угрозу несла

та или иная технология, тем менее разрушительной она становилась в действительности: оружие, чреватое саморазрушением общества, превращалось в жизнеспасающий фактор.

Этот жестокий механизм прогрессивно преобразовывал человеческое сознание и бытие. Под его действием в долгосрочной исторической ретроспективе, с ростом разрушительной мощи технологий и увеличением демографической плотности, коэффициент кровопролитности общества (отношение среднего числа убийств в единицу времени к численности населения) нелинейно, но последовательно сокращался [12; 13; 14].

Культура способна сублимировать человеческую агрессивность в ненасильственные формы отношений

Проходя через горнило антропогенных кризисов и катастроф, культура умножала и совершенствовала средства сублимации естественной человеческой агрессивности в ненасильственные формы социоприродных и внутрисоциальных отношений. В целом род *Ното* до сих пор существует благодаря тому, что люди и их предки, создавая всё новые технологии – от заострённых галечных отщепов, которыми хабились Олдовайского ущелья разбивали друг другу головы, до баллистических ракет с ядерными боеголовками, – культурно и психологически адаптировались к ним. Но из этого факта автоматически не выводится способность цивилизации успешно справляться с ними в последующем.

4. Физика, психология и идеология

Я знаю всё, но только не себя.

Франсуа Вийон

*Из отношений «мы» и «они»
соткана всемирная история.*

Б.Ф. Поршнев

Сценарии саморазрушения цивилизации вполне реальны

В 2000 году американский учёный Б. Джой обратил внимание на то, что век оружия массового поражения сменяется веком «знаний массового поражения» [15]. Угрозы, связанные с размыванием границ между боевыми и мирными технологиями, а также с необычайным удешевлением и доступностью новейших изощрённых средств взаимного уничтожения, не оставляют сомнения в том, что сценарии саморазрушения цивилизации (простые аттракторы) вполне реальны.

Парадокс в системной оценке перспектив

Признав принципиально возможным (а значит, неизбежным) как распространение интеллектуального влияния в космосе, так и самоуничтожение носителя

интеллекта, мы сталкиваемся с очевидным парадоксом в системной оценке перспектив. Этот парадокс служит косвенным аргументом в пользу множественности очагов прогрессивной эволюции в Метагалактике, которые реализуют *все* теоретически мыслимые сценарии.

Роковую роль в судьбе цивилизации может сыграть весьма неожиданное обстоятельство. Оно состоит в том, что *потенциальный диапазон управляемости масс-энергетического мира превосходит диапазон управляемости виртуального мира*. Иначе говоря, субъективная (психическая) реальность, в которой современный европеец привык считать себя безраздельным хозяином, на поверку окажется связанной более жёсткими и неумолимыми ограничениями, чем внешняя реальность, и *те события, которые допускаются законами физики и эвристики, исключены законами антропологии и социальной психологии*.

Тезисно изложим суть проблемы, подробно рассмотренной нами ранее [12].

Деление на «своих» и «чужих» как путь решения негэнтропийной задачи

От палеолита до наших дней негэнтропийная задача духовной культуры состояла в том, чтобы *упорядочивать* социальное насилие, по мере возможности предотвращать его хаотические формы, и самым распространённым средством оставался перенос агрессии на внешний мир. Этой задаче служили сначала формы племенной идентификации, а затем конкурирующие и сменяющие друг друга *идеологии*, которые обеспечивали деление людей на «своих» и «чужих». На протяжении многих тысячелетий удовлетворительно функционировал механизм объединения людей в большие группы (этнические, конфессиональные, сословные или классовые) путём противопоставления другим людям по признаку приверженности определённому набору сакральных символов. Политическим коррелятом таких дихотомических символов, конструировавшихся посредством мифологизации реальных или вымышленных событий, персонажей, речевых фигур, зрительных образов, наделяемых мистическими свойствами и смыслами, всегда оставалась реальная или потенциальная война.

Показано, что в переломных фазах истории совершенствование культурных регуляторов, обеспечивавшее восстановление техно-гуманитарного баланса, обычно включало расширение групповой идентификации. Но основой ментальной матрицы («они – мы»), которая обеспечивала групповую солидарность, по-прежнему служил образ общего врага.

Первые попытки выстроить альтернативную картину мира, апеллирующую к общечеловеческому единству

Основные условия неконфронтационной солидарности – освобождение от тотемных идентичностей и формирование планетарного сознания

Проблема «распаковки» жизненных смыслов

Первые попытки выстроить альтернативную картину мира, построенную на критическом сознании и апеллирующую к общечеловеческому единству, восходят к середине первого тысячелетия до новой эры. Правда, они были скоро смыты на периферию духовной культуры потоком религиозных учений, которые комфортны психологии рабов и варваров, вынесенных на историческую авансцену на спаде первой волны осевого времени. Но идеи гуманизма, пантеизма и общечеловеческого единства, сохранившиеся в функции «избыточного разнообразия», продолжали вдохновлять философов и политиков. Они то и дело возрождались из пепла во тьме раннего Средневековья, и особенно – с приближением к Новому времени.

Идея неконфронтационной солидарности была по-настоящему востребована жизнью во второй половине XX века. Военные и производственные технологии, предельно обнажив угрозу глобальной катастрофы, потребовали политических коалиций нового типа, созданных не для борьбы против вражеских коалиций, а для преодоления общих угроз – ядерной катастрофы, экологической деградации и т.д. Образование таких коалиций позволило цивилизации благополучно пережить XX век, хотя на региональных фронтах так называемой Холодной войны погибло более 20 млн. человек.

Дальнейшее развитие технологий поставило перед культурой кардинально новую задачу – *устранить* физическое насилие из социальной жизни, и по отношению к этой задаче привычные средства становятся контрпродуктивными (закон отсроченной дисфункции). Новейшие информационные технологии отчасти способствуют её решению [13], однако ключевым фактором может стать только освобождение от тотемных (идеологических, квазирелигиозных) идентичностей и формирование планетарного сознания. Это предполагает, что, в соответствии с синергетическим законом иерархических компенсаций, дальнейший рост социального разнообразия мог бы быть обеспечен умножением взаимопересекающихся микрогрупповых культур за счёт сглаживания макрогрупповых различий.

Здесь, однако, перспектива универсальной эволюции упирается в проблему «распаковки» жизненных смыслов. Исторический опыт смыслообразования завязан преимущественно на мистику тотемных идентификаций, а также антропоморфных божеств в качестве

источников поощрения и наказания в земном или в загробном мире. Опыт же стратегических смысловых ориентаций в контексте критического мышления ограничен, и неясно, насколько массовое распространение он способен приобрести. Так складывается решающая коллизия современной эпохи. Гуманитарное уравнивание быстро развивающихся технологий действительно требует освобождения разума от религиозно-идеологических пут, ибо иначе его носитель обречён. Однако без таких пут человек чувствует себя неуютно. Приходится предположить, что в обозримом будущем либо человеческий (постчеловеческий? человеко-машинный?) разум перерастёт инерцию идеологического мировосприятия, либо идеологии, наложившись на беспримерные технологические возможности, уничтожат цивилизацию.

Отсюда оценка глобальных перспектив во многом определяется ответами на *два ключевых вопроса*.

Возможны ли стратегические смыслообразующие мотивы в светском контексте?

Вопрос первый: *возможны ли в принципе стратегические смыслообразующие мотивы в последовательно светском контексте?* Приняв, что смыслообразование, по большому счёту, фатально упаковано в атомарные (квази)религиозные конструкты, расщепление которых лишает жизненные смыслы необходимой устойчивости, мы не можем избежать печального вывода о том, что есть некоторый предел технологического развития. Достигнув этого предела, всякая планетарная цивилизация саморазрушается.

Эволюция на Земле вплотную приблизилась к этому пределу. Если диапазон интеллектуальной саморегуляции не соразмерен возможностям внешнего управления, то дальнейший рост структурной сложности Вселенной блокируется жёсткостью ментальных конструктов: сознание, ограниченное в способности произвольно выстраивать стратегические цели и смыслы, не сможет стать агентом целенаправленной перестройки структур мега- и микромира. Тогда жизнь, культура, разум – суть эпифеномены некоторой стадии развития физической Вселенной, которым в принципе не суждено играть в ней какую-либо активную роль. В этом случае долгосрочные перспективы исчерпывающе описываются натуралистическими сценариями (угасание биосфер, тепловая смерть и т.д.), а «молчание Космоса» получает самое банальное объяснение.

При положительном ответе на первый вопрос уместно полагать, что способность освоить стратегические

Успеет ли наша цивилизация достигнуть интеллектуального совершеннолетия?

смыслы вне (квази)религиозного контекста и служит условием космического распространения той или иной планетарной цивилизации на данной стадии *универсального естественного отбора*. Те из развившихся цивилизаций (или одна единственная), которые сумеют уравновесить растущую власть над силами природы, прорвутся на космическую стадию развития, а все прочие, реализовав простые аттракторы, останутся расходным материалом универсальной эволюции. Тогда «молчание Космоса» может свидетельствовать о том, что либо ни одна из цивилизаций Метагалактики пока не достигла необходимого уровня развития, либо ни одна из развившихся ранее цивилизаций не выдержала тест на зрелость, т.е. на светское (критическое) смыслообразование.

Отсюда второй вопрос: *успеет ли Земная цивилизация достигнуть интеллектуального совершеннолетия прежде, чем сползание к пропасти станет необратимым?*

Психологическая конкретизация догадки о вселенском естественном отборе состоит в том, что носитель разума, мыслящий себя в привязке к нации, расе, конфессии или сословию, не способен стать универсальным и в итоге, по достижении слишком большой инструментальной мощи, не может избежать самоуничтожения. Космическая перспектива доступна только разуму в высокой степени индивидуальному, а потому космополитическому.

Какие по содержанию смыслообразующие стратегии могли бы сыграть ключевую роль новых мировоззренческих ориентиров, мы далее обсудим. Некоторый повод для надежды даёт то обстоятельство, что элементы последовательно светского и критического мировоззрения накапливались на протяжении тысячелетий.

Психологи, социологи и антропологи, изучающие смысложизненные ориентации в современном западном мире, обратили внимание на невротизирующие «ценностные разрывы», а также на то, что эта проблема (как и проблема смерти) вытесняется из коммуникативного пространства [16; 17]. Это совпадение не случайно. Особенно болезненно сложившаяся ситуация переживается людьми, чувствительными к когнитивному диссонансу. Именно такие личности испокон веку задавали тон духовной работе, нацеленной на мировоззренческую интеграцию в сфере религии, идеологии или науки.

5. Смыслы жизни и образы смерти в эволюционной развёртке

*Есть ли в моей жизни смысл, который
не будет разрушен неминуемой смертью,
ожидающей меня?*

Л. Н. Толстой

Потребность
в смысле жизни –
продукт длительного
развития рефлексии

Смыслы любят вечность, но вечность безразлична к смыслам, и кто не ведаёт о том, что жизнь конечна, тот не нуждается в её осмыслении. Уже из этой банальной «асимметрии» следует, что потребность смысла жизни – продукт длительного развития рефлексивной способности, обеспеченной очень высоким уровнем внутренней сложности и динамики психического отражения. Она начала формироваться после того как наиболее креативные индивиды смогли обобщить повседневные наблюдения до догадки о том, что телесная смерть составляет удел каждого человека, и распространить эту догадку на себя. Фактически, однако, зависимости в этой сфере оказываются намного тоньше, и прежде всего мы обнаруживаем это по данным, касающимся индивидуально-го развития.

Психологи долго
игнорировали
отношение
маленьких детей
к смерти

Даже самые выдающиеся психологи и психотерапевты удивительно долго игнорировали вопрос об отношении маленьких детей к смерти. Настолько долго, что поневоле возникло подозрение, что сами они бессознательно вытесняли эту проблему (психологи тоже люди!). Если здесь действительно включалась психологическая защита, то в ней явно преобладал механизм рационализации: исследователи тщательно *аргументировали* отсутствие у ребенка представления о смерти.

Ребенок неотчетливо
различает живое
и неживое: его
представления
о смерти не значимы
для его картины
мира

Так, Ж. Пиаже, изучавший *когнитивный* аспект развития, показал, что у европейского ребёнка способность к образованию абстрактных понятий (к их числу принадлежит и представление о смерти) складывается после десяти лет. К этому моменту он ещё находится на стадии конкретных мыслительных операций, лишь начиная осваивать категорию «возможного» [18]. Детский анимизм, который Пиаже отождествлял с анимизмом первобытного человека, проходит четыре стадии. Сначала ребенок наделяет все неодушевлённые объекты жизнью и волей. Затем (примерно на седьмом году) ребёнок считает живым лишь то, что движется. Между восьмью и двенадцатью годами – то, что движется само собой: в семь-восемь лет дети охотнее признают живыми огонь, дым, часы, реку или Луну, чем дерево. Лишь

после этого понятие живого приближается к «взрослому» (точнее – позитивистскому).

А коль скоро субъект не различает отчётливо («по-взрослому») живое от неживого, представление о смерти не должно играть существенную роль в его картине мира. Под влиянием психологов родители также склонялись к убеждению в том, что образы и страхи, связанные со смертью, не играют существенной роли в жизни их детей, отражая это убеждение в своих наблюдениях и отчётах.

О значении
сексуальных
переживаний

З. Фрейд, гораздо более чем его швейцарский коллега ориентированный на изучение *аффективных* процессов (но, в отличие от него, не работавший с детьми), также разделял преобладавшее убеждение. Он не считал страх смерти и мысли о конечности существования значимым фактором в развитии детской психики, отдав безусловный приоритет сексуальным переживаниям. В «Толковании сновидений» туманность и незначимость представлений о смерти в раннем возрасте иллюстрировались высказываниями интеллектуально развитых восьми-десятилетних детей типа: «То, что папа умер, я понимаю, но почему он не приходит домой ужинать, этого я никак понять не могу» (после внезапной смерти отца). Или: «Мама, я тебя очень люблю. Когда ты умрешь, я из тебя сделаю чучело и поставлю здесь в комнате, чтобы тебя видеть всегда» (после посещения музея естественной истории) [19, с. 260].

Страх смерти – часть
самого раннего
опыта и первичный
источник тревоги

Правда, уже на ранней стадии психоаналитического движения высказывалась и альтернативная версия. И. Ялом [20, с. 99 – 100] приводит выдержки из работ К. Айслера и М. Кляйн, которые считали, что страх смерти является частью самого раннего опыта и первичным источником тревоги, а интерес ребёнка к половой сфере («фактам жизни») произведен от более раннего интереса к смерти. В книге С. Энтони [21], впервые опубликованной в 1940 году, собраны обширные эмпирические данные в подтверждение подобной точки зрения.

Во второй половине XX века психологи признали, что у интеллектуально здоровых детей, растающих в современную городскую культуру, тревоги, связанные с образами смерти и небытия, возникают в очень раннем возрасте. Они могут в значительной мере провоцироваться внешними обстоятельствами, такими как смерть близких и острые переживания окружающих по этому поводу. Но при наличии соответствующей бессознательной установки мысли о конце существования вызывает

вид мёртвой птицы, насекомого, цветка или даже механизма. По рассказам одного автора, его сын (2 года и 3 месяца), годом ранее отлучённый от бутылки, начал просыпаться по несколько раз за ночь с истерическим требованием бутылки. В ответ на расспросы заявлял, что ему надо получить бутылку, а иначе «я не заведусь», «у меня кончится бензин», «мой мотор заглохнет, и я умру». Перед тем мальчик дважды был свидетелем того, как в автомобиле отца кончился бензин, и при нём обсуждали, что мотор заглох и батарея села [20, с. 97].

В редких случаях страх смерти может довольно рано принять инверсивную форму. Автору этих строк пришлось наблюдать пятилетнего интеллектуала, утверждавшего, что больше всего на свете хочет «не больно» умереть.

В волшебных сказках ребенок ищет подтверждения необязательности смерти

Догадки о проявлениях страха смерти ранее двух с половиной лет перемешиваются с проекциями и домыслами. Но и потом представления о смерти крайне путаны и противоречивы, что давало повод считать их мало-значительными. Дети ищут в волшебных сказках подтверждение необязательности (чисто внешнего происхождения), постепенности и обратимости смерти, которую можно уговорить, обмануть и даже победить. По данным С. Энтони [21]), в экспериментах по предъявлению рассказов с открытым финалом более трети предпочли остаться маленькими и не расти, чтобы не умереть. Часто смерть отождествляется со сном, и ребёнок всячески сопротивляется засыпанию; порой гипнофобия, бессознательно связанная с танатофобией, принимает болезненные формы. Как не вспомнить, что во всех неандертальских захоронениях тела уложены в одном и том же согнутом положении на боку (поза то ли спящего, то ли плода в утробе), и что ещё в греческой мифологии Танатос и Гипнос – братья-близнецы.

Детские реакции на слова, связанные со смертью

Особенно интересны данные о кожно-гальванической реакции детей различного возраста на предъявление слов, связанных со смертью, вкраплённых в перечень нейтральных слов. Экспериментаторы разделили испытуемых на три группы: детскую (5–8 лет), препубертатную, или латентную (9–12 лет) и пубертатную (13–16 лет). Обнаружилось, что эмоциональная реакция на слова, связанные с темой смерти, в первой и в третьей группах (маленькие дети и подростки) значительно сильнее, чем во второй группе. Ирвин Ялом объясняет это тем, что «в латентной фазе ребёнок научается (или его научают) отрицать реальность ... и явный страх смер-

ти притупляется», как и инфантильная сексуальность. Но «с наступлением пубертата детские механизмы отрицания утрачивают свою эффективность. Интроспективные тенденции и возросшие ресурсы позволяют подростку вновь встретиться с неизбежностью смерти, терпеть тревогу и искать альтернативный путь сосуществования с фактами жизни» [20, с. 104 – 105]. Именно в подростковом возрасте интенсифицируется поиск смысловых координат и атрибуций.

Отношение ребенка к смерти зависит от отношения к ней взрослых

Сравнивая сведения, касающиеся детей современной западной культуры, со сведениями по другим культурам, Ялом [20, с. 122] обратил внимание на то, что травматический эффект темы смерти существенно зависит от тревожности этой темы для взрослых. Многие незападные общества «предлагают культурно санкционированные мифы о смерти, которые без какой-либо амбивалентности или тревоги передаются детям», причём тривиализация смерти может принимать довольно злоеущие (с западной точки зрения) формы. Автор ссылается, например, на опыт новогвинейского племени *Форе (Fore)*, где дети участвуют в совместном поедании умершего родственника. По его мнению, «этот опыт не катастрофичен для ребёнка, поскольку взрослые участники ритуала не испытывают особой тревоги – это часть природного, не самосознающего потока жизни» [20, с. 121].

Культуры проходят нечто вроде эволюционных фаз. Замечено, что европейские дети в препубертатной (латентной) фазе также защищаются от знания о смерти методами тривиализации и высмеивания травматического образа. Возможно, культуры тоже проходят нечто вроде эволюционных фаз, зафиксированных детскими психологами (включая и самую раннюю фазу смутно-интуитивного представления о смерти), а современный ребёнок воспроизводит их в ускоренном режиме.

Вообще психологи, изучающие онтогенез человеческой психики, с самого начала прямо или косвенно ориентировались на социогенетический закон, и их данные могут быть полезны антропологам как вспомогательный источник опосредованной реконструкции раннего антропогенеза. И, конечно, историческое становление представлений о собственной смертности и потребности в смысле жизни фиксируется с ещё большими трудностями, чем их индивидуальное развитие.

У истоков духовной культуры присутствует невротический страх перед мёртвыми

Междисциплинарные исследования показали, что у истоков духовной культуры присутствует невротический страх мёртвых (некрофобия). Судя по всему, пер-

Понимание
неизбежности
собственной
смерти – поздний
феномен культурной
эволюции

вым искусственным ограничителем внутривидовой агрессии в популяциях хабилисов и архантропов стало ожидание посмертной мести [12]. Вместе с тем покойник не воспринимается как полноценное продолжение живого человека: душа мертвеца помнит лишь обиду и недовольство, она жаждет мести, потому живым следует всеми силами оградить себя от злых намерений. Это трудно согласовать с убеждением, что сам я в будущем стану таким же покойником с бессмертной душой.

В любом случае, понимание неизбежности собственной смерти (не говоря уже об «экзистенциальном страхе») – это значительно более поздний феномен культурной эволюции, чем спасительный для племени страх чужой смерти. Имеются антропологические свидетельства того, что короткий временный диапазон отражения причинных связей затрудняет отчётливое представление охотников-собирателей о причинах деторождения. Возможно, их навык индуктивных обобщений не всегда достаточен также для чёткого понимания индивидуальной идентичности человека в разных возрастах и для вывода о собственной смертности. Анализ мифов показывает, что тема смерти волновала людей с древнейших времён, но чаще всего её происхождение связывается, как и в детском сознании, с внешними причинами – проступком предков или какой-либо мистической «ошибкой» [22]. Некоторый личный опыт общения с носителями культур, близких к первобытности, изучение литературы и консультации со специалистами позволяют мне заключить, что потребность в смысле жизни у палеолитического человека в норме не актуализована.

Индивидуализация
отношения к смерти

Не актуализована, потому что не фрустрирована, – так же, как не актуализована самостоятельная потребность в физической активности. Размышления о смысле жизни в племени охотников-собирателей (если, конечно, речь не идёт об обитателях декоративной резервации) не более уместны, чем занятия утренней гимнастикой. Индивидуальная судьба вплетена в судьбу коллектива, и коллективное сознание доминирует над индивидуальным. Полная вовлечённость в ролевые функции, сопровождаемая всем массивом культурной символики, обеспечивает смысловые атрибуции столь же надёжно, как строй практической жизни гарантирует от болезненной гиподинамии.

Ф. Арьес связал «индивидуализацию» отношения к смерти с поздним Средневековьем [17]. Однако в предисловии к русскому изданию его книги А.Я. Гуревич

решительно возражал против такого сужения исторической ретроспективы [23]. На мой взгляд, сужает её и Р. Баумейстер, полагающий, что только в эпоху Романтизма начался активный поиск светских эквивалентов смысла и вознаграждения, которые стали находить в страстной половой любви или художественном творчестве [16]. И. Ялом вообще считает активный поиск индивидуальных целей и смыслов артефактом новоевропейской культуры. Ссылаясь на рекомендации восточных мудрецов, а также на цитаты из «Нового Завета», он утверждает, что «первые христиане превыше всего ценили созерцание» [20, с. 525]. Между тем в действительности и высказывания Иисуса Христа по этому поводу, и практики раннего христианства весьма противоречивы.

Не поддаются бесспорной трактовке и большинство тех древних документов, которые советские религиоведы поспешно объявляли «атеистическими». Встречающие в религиозных текстах упоминания о «великом безбожии» и «безумцах, не боящихся бога» не следует принимать за свидетельства атеистических настроений. Во-первых, их авторы никогда не стеснялись в обвинениях такого рода; во-вторых, само слово «атеой» (безбожник) имело в Греции иное значение: этим словом называли ранних христиан, игнорировавших античный пантеон (синонимичное слово «адева» древние арийцы использовали по отношению к коренным жителям Индии [24, с. 261]).

Вместе с тем известны тексты, недвусмысленно демонстрирующие, что уже в древнем мире гарантии целесообразности, осмысленности и вечности, предоставляемые религией, удовлетворяли далеко не всех, и что целенаправленный поиск смысла жизни вовсе не составляет уникальную особенность современного Запада. В традиционных обществах люди вовсе не были безразличны к смыслу; однако смысл они получали извне, «в готовом виде» и довольствовались этим. Когда же прежние версии переставали удовлетворять людей, они искали и строили новые. При этом самым простым средством для созидания предельных смыслов служили мистические конструкции...

Связные представления о загробном мире, в котором продолжится собственная индивидуальная жизнь, прослеживаются уже в мифологиях первых городских культур. Если у шумеров это довольно мрачное обиталище, то египтянам оно видится значительно более привлекательным. Герой аккадского эпоса Гильгамеш

Мифологические представления о загробном мире

жаждет бессмертия в земном мире, но в позднейших интерпретациях он, наконец, смиряется с участью смертного [25; 26].

Вероятно, догадка о неизбежности индивидуальной смерти – необходимая, но недостаточная предпосылка для актуализации потребности в смысле жизни. Проблема смысла должна была обостряться по мере исторического становления личности как способности к критической оценке социальных ролей, индивидуальной ответственности и нравственному выбору. Все эти реалии стали по-настоящему востребованными и значимыми факторами общественной жизни в осевое время – здесь напрашивается аллегорическое сравнение с началом «пубертатной стадии» в развитии человечества.

Доказательством того, что именно тогда решающим образом фрустрировалась и актуализовалась потребность смысла жизни, является широкое распространение рационалистических философских учений и богооткровенных религий, связавших смысловую координату с исконной привычкой к рабству и подчинению. Ослабление же религиозной доминанты в Европе Нового времени сопряжено с очередным обострением духовного дефицита, а гуманистические идеи Возрождения, философия Просвещения, Прогресса, коммунистические утопии, равно как церковная Реформация – более или менее успешные попытки заполнить смысловой вакуум.

(Продолжение следует)

1. *Spooks G.D.* The dynamic society. Exploring the sources of global change. – L.; N-Y., 1996.

2. *Панов А.Д.* Сингулярная точка истории // Общественные науки и современность. – 2005. – №.1. – С. 122–137.

3. *Kurzweil R.* The singularity is near: When humans transcend biology. – N.-Y., 2005.

4. *Назаретян А.П.* О прогнозировании в шутку и всерьёз // Историческая психология и социология истории. – 2011. – Т. 4. – № 1. – С. 189–209.

5. *Chaisson E.J.* Cosmic evolution: Synthesizing evolution, energy, and ethics // Философские науки.. – 2005 – №5. – С. 92–105.

6. *Вернадский В.И.* Живое вещество. – М., 1978.

7. *Дэвис П.* Проект Вселенной. Новые открытия творческой способности природы к самоорганизации. – М., 2011.

8. *Дойч Д.* Структура реальности. – М.; Ижевск, 2001.
9. *Каку М.* Физика невозможного. – М., 2011.
10. *Smolin L.* The Unique Universe., 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.koob.ru/klein/http://physicsworld.com/cws/article/indepth/39306> (дата обращения 01.04.2011)
11. *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование). – М., 2004.
12. *Назаретян А.П.* Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. – М., 2008; *Он же:* Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд // Вопросы философии. – 2009 – №1. – С. 3–19.
13. *Nazaretyan A.* Evolution of non-violence: Studies in Big History, self-organization and historical psychology. – Saarbrucken, 2010.
14. *Pinker S.* The Better Angels of our Nature. The Decline of Violence in History and Its Causes. – N.-Y., 2011.
15. *Joy B.* Why the Future Doesn't Need Us? // Wired. – 2000. – April. – P. 238–262.
16. *Baumeister R.F.* Meanings of life. – N. Y., 1991.
17. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. – М., 1992.
18. *Kastenbaum R., Aisenberg R.* Psychology of death. – N.-Y., 1972.
19. *Фрейд З.* Толкование сновидений. – Мн., 2003.
20. *Ялом И.Д.* Экзистенциальная психотерапия. – М., 1999.
21. *Энтони С.* Открытие смерти в детстве и позднее. – М., 2009.
22. *Березкин Ю.Е.* Происхождение смерти – древнейший миф // Этнографическое обозрение. – 2007 – N 1. – С. 70–89.
23. *Гуревич А.Я.* Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. – М., 1992. – С. 5 – 32.
24. *Тэйлор Э.* Первобытная культура. – М., 1939.
25. *Morin. E.* L'homme et la mort dans l'histoire. – Paris, 1951.
26. *Тураев Б.А.* История Древнего Востока. – Мн., 2004.

